

Д Р У З Ъ Я

Рассказ

ТЯЖЕЛАЯ прожаривающая дверь полуоткрытой камеры со скрежетом притворилась. Уставый торжественный надзиратель — одна рука на кинжале, в другой связка ключей — бросил на узника беспечный взгляд, быстро отступила назад и захлопнула дверь. С минуту он стоял в коридоре, прислушиваясь к тому, что происходит в камере, потом отошел, несмело ступая.

Гордое спокойствие арестованного вызвало у надзирателя и восхищение, и страх. Уже в который раз, притворив дверь, торжественно заставал поэта в одной и той же позе, но не подавленность, не растерянность, а твердую решимость, уверенность, ожидание удавшегося в этих скрепленных из грубой руки, в смелка закинутой назад голове.

О бесстрашном поэте Вагифе надзиратель немало слышал и раньше, но впервые увидел его тут, в тюрьме. Силась освободиться от тревожного чувства, надзиратель прошелся несколько раз по коридору, заглянул к другим арестованным, но не выдержал и вновь остановился у камеры Вагифа. Он не решился вторично отпереть и прильнул глазом к небольшому проему, задевая ногой мучуящую прутьями решетку.

Вагиф все так же стоял посреди тесной камеры и, глядя в бесконечную даль спокойными глазами, произносил какие-то слова. По голосу было так мелодично, слова лились так плавно, что, казалось, будто он не говорит, а поет.

Заметив у окна надзирателя, Вагиф резко повернулся к нему и спросил насмешливо:

— Что тебе нужно? Или ты сподишь первым принести мне новые вестки?

— Какая новая вестка? Приговор нашего всемогущего окончательен, — пробормотал надзиратель и добыл азвительно: — Завтра в это время ты уже покинешь светлый мир. Но великий шаг предстоит асидкоуше: голова твоа будет водружена на самой вершине башни, построенной в Шуше из человеческих черепов.

Эти завешные слова, произнесенные с намерением устрашить поэта, вызвали у того лишь азвительную усмешку:

— Не берись предсказывать, — сорвался с его уст.

— А ты сомневаешься в этом? — встретилась надзирателю.

— Да, сомневаюсь — и в тебе, и в твоем шахе, и в его приговоре.

— Знай, что воле шаха никто и никогда не смеет перечить. — У жизни свой закон. Земля моего родного края не однажды развразалась под ногами тиранов, пологит она и моего шаха.

Слова эти ошеломили надзирателя. Испуганно огадевался он по сторонам, — не подслушавшее ли сторонам, — в коридоре никто нет, вздохнула с облегчением и поспешно отошел в сторону.

Отшел от окошка и Вагиф. Он шагнул к внутренней стене камеры, опустился на выступающее из стены железное сидение и, охватив голову ладонями, вновь погрузился в глубокое раздумье.

В памяти его ожили прекрасные картины родной Шуми: зеленые женские горные вершины, зеленые долины, бархатные аулы, реки, зыбками вьющиеся меж холмов,

Поэту казалось, будто слух его ловит журчание родников, голоса перекликающихся чабатов, пение ашугов. Он словно ощутил теплое дыхание протрогетого осенними лучами ветра.

Придет ли ему вновь увидеть все это, обнять милого сына Адибека, встретиться с близкими людьми и самым дорогим из них, поверенным всех тайн — Видади? Придется или им, как прежде уверившись радом, состязаться в искусстве стихотворчества?

Он стал повторять мысленно, поетом аслух стихи своего Арута. Снастивное состязание, когда и гордишься, и любуешься соперником, и в то же время готов не пожелать жизни, чтобы победит его!

Вагиф на какое-то время забыл, что он в темнице. Ему представилось, что он в Видади и в самом деле, сидит радом, на берегу Куры: легкий ветерок, шепчущийся листвя, звонкокожий родник — все вторит завораживающей музыке слов.

Неужели он лишится всего этого навсегда?

Как знать, бывает, что спасение запаздывает всего лишь на несколько секунд, и рука, протянутая для помощи, повисает в воздухе.

«Ну что ж, — подумал Вагиф, — умирая, я стану думать о том, что в жизни, сколько мог, старался исполнить человеческий свой долг: нуждающимся не отказывал, никому не причинял сознательно зла, Страдания народа были и мои, страданиями, его радости — моими радостями».

НО САМЫМИ снастивными для Вагифа были дни, проведенные с Видади. Он припоминал, как од-

нажды во время повурз-байрама предложил Аруту:

— Подем, прогуляемся по городу и зажжем свет для тех, у кого в доме в этот праздничный вечер не будет огня.

Взяв с собой по узелку праздничных подарков, друзья отправились в квартал бедняков. Они постучали в дверь самой бедной хижинки и вошли. Хозяйка тепло и почтительно приветствовала гостей, оказавших им такую честь в праздничный вечер. Однако за улыбки им приталось недоумение: ведь этот праздник принято проводить у родного очага, в кругу семьи...

Некоторое время гости молча сидели за столом, незаметно разглядывая комнату, сырую, с низкими потолком и узким окном, слабо освещенную керосиновой лампой, которая стояла на деревянной стене металлической решетке. На полу аккуратно прибранной, но полуоткрытой комнаты был постан ветхий палас. Зато на одной из стен висел необычайной красоты ковер. А посредине комнаты стола, на полу большой медный поднос — он был пуст, по краям стояли незажженные разноцветные свечи: обычный не разрешал зажечь огонь, который не мог осветить хотя бы скромный, но праздничный ужин.

Вагиф бросил на Видади взгляд, полный грусти. Немало вспоминались тяжелые дни детства, дни бедности и нужды.

Наступил байрам. Как нам быть теперь!

Ведь у нас муки ни чувала нет. Раса в каадовой горстка —

Мерь не мерь.

Маса нет даво да и сала нет.

Видади молчал, задумавшись. Вагиф бережно взял у него из рук узелки с угощениями, подошел к подносу и высыпал на него салти. Он попросил у хозяйки огня, зажжет одну за другой свечи и вернулся на свое место. Поэты с улыбочкой перегаивались. Особенно радостно было им смотреть на загоревшиеся восторгом лица детей.

В бедную хижинку пришел праздник с угощением, с веселыми танцующими огнями.

Подарив хозяев с праздником, друзья поднялись. Встали с места и все, находившиеся в комнате. Вагиф поднял на руки подбежавшего к нему с улыбочкой худенького бедного мальчугана, прижал к себе на мгновение и направился к двери. Но Видади удержал его за руку, подвел к висевшему на стене коверу. Указывая на тончайшие переплетения сложного узора, Видади произнес восхищенно:

— Какое искусство! Так народ раскрывает свою душу...

— Да, народ, наш народ, — повторил Вагиф, и слова эти горло и грозно прозвучали под низкими сводами камеры.

В окошко постучали — видно, голод поэта вновь потребовал надзирателя. Но Вагиф, казалось, не слышал этого сердитого торопливого стука. Разве может забыть смерти человек, кровно связанный с народом, с таким другом, как Видади? Никогда!

Прекрасно сказал Видади:

Кто благодарен, тот с тобой поделится, как с сыном.

И Аратся будет он за честь — с тобой воедино.

Тебе, пока в нем бытса жизнь, он не покажет спину.

А в трудный час тебе друзья и душу отдадут.

Да, он наступил, этот трудный час!

ВАГИФ, будто вспоминая нечто важное, быстрыми шагами подошел к окошку, постучал по чужинному прутьям и, заметив у противоположной стены надзирателя, спросил:

— Может быть, ты теперь сообщишь мне новости?

— Замолчи, я не понимаю, чего ты хочешь.

Надзиратель, впадавший всякий раз при этом вопросе поэта в состояние мрачной тревоги, отступил в тлубь коридора.

Но в тот же вечер до камеры доносился шум и оглушительные крики. В торжественном коридоре послышался топот, глухие испуганные возгласы. В ворота тюрьмы, сотряса их, стучали десятки сильных рук...

Вагиф припал к окошку, прислушался. Беспорядочный шум, топот, сердитые выкрики — ничего нельзя разобрать. Несколько минут он стоял неподвижно, прислонившись к стене. Затем, будто приняв решение, встретил смерть лицом к лицу, поднял голову, расправил плечи и гордо шагнул к двери камеры.

Шум и грохот утихли. До Вагифа донесся голос:

— Открывайте двери, противники бесполое. Каждый убит. Освободите Вагифа!

— Есам хоть один воадс упадет с головы поэта, мы сдерем с вас шкуру! — крикнула другая.

Вагиф понял, что тюрьма окружена, и под ее стенами идет яростное сражение.

Перед людской лавиной погудели чугунные решетки ворот, następnie распахнулись тяжелые двери. Поток людей хлынул внутрь. Впереди все бежал Видади. Надзиратель, торжественно, кланяясь, отпер камеру Вагифа и швырнул на пол связку ключей. Никто не заметил, как он исчез, растворился в толпе.

Друзья обнялись.

— Господь арловал нам тебя, воле, слава ему! — воскликнула Видади.

— Слава народу! — дрогнувшим голосом произнес Вагиф.

Толпа вместе с освобожденными узниками выплеснулась на улицу. Черные ключи туч упали за горизонт, небо прояснилось, солнечные зайчатки лучи позолотили вершины гор. Вокруг бурчала, хлокотала возбужденная улица. Возвращенные народные дружины почтительно приветствовали Вагифа и Видади. Лица людей светлели радостью и победным торжеством.

Из уст в уста передавались слова, которые произнес Вагиф, обращаясь к Аруту:

Видади, вот корона и царская голова,

Ты на них, раздвинувши народную волю, взгляни!

Перевод О. РОМАНЧЕНКО.